

ИЗВѢСТІЯ

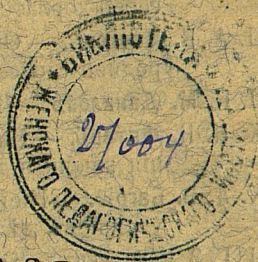
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

Пров. 50

АКАДЕМІИ НАУКЪ

1914 г.

ТОМА XIX-го КНИЖКА 2-я.

ПЕТРОГРАДЪ, 1914.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова и К. Л. Риннера въ Петроградѣ; Н. П. Карбасникова въ Петроградѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; Н. Я. Оглоблина въ Петроградѣ и Киевѣ; Н. Киммеля въ Ригѣ; у Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ; Люзанъ и Комп. въ Лондонѣ, а также въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цѣна этой книжки одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ.

Отчетъ о поѣздкѣ по Волынскому Полѣсью для изученія народныхъ говоровъ лѣтомъ 1913 года.

Отправляясь въ поѣздку по Волынскому Полѣсью въ 1910 году и намѣчая рядъ задачъ, которыя я предполагалъ выполнить во время этой поѣздки¹⁾, я еще до окончанія этой поѣздки къ сожалѣнiю своему долженъ былъ сознаться, что для главной своей задачи, а именно для составленія «Очерка народныхъ говоровъ Волынскаго Полѣсья»²⁾, послѣ окончанія этой поѣздки я не буду имѣть въ своемъ распоряженiи всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыя необходимы для осуществленія этой задачи. Районъ мѣстности былъ такъ обширенъ, матеріала было такъ много, и притомъ матеріала интереснаго, какъ въ діалектологическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношенiи, а въ соответствiи съ этимъ времени такъ мало, что послѣ окончанія поѣздки пришлось съ грустью сказать себѣ: «суждены намъ благіе порывы». . . . Хотя, правда, въ эту поѣздку для намѣченной цѣли удалось сдѣлать многое, однако неудача одного изъ такихъ порывовъ прежде всего сказала для меня въ томъ, что я долженъ былъ отказаться отъ одной изъ поставленныхъ задачъ, а именно отъ группировки особенностей говоровъ по уѣздамъ, такъ какъ обстоятельства показали, что для вполне детальнаго діалектологическаго обслѣдованія одного уѣзда нужно было имѣть несравненно больше времени, чѣмъ то, которымъ я располагалъ для изученія всего Полѣсья³⁾. Затѣмъ, при

1) Извѣстія Академіи Наукъ, т. XVI, 1911 г., кн. 4, стр. 70.

2) Ibid., стр. 77.

3) Отчетъ Отдѣленія русск. яз. и словесности Ак. Наукъ за 1911 годъ, стр. 2—3 (отдѣльн. оттискъ).

всемъ обилии собраннаго матеріала, у меня не было всѣхъ данныхъ для характеристики типичныхъ особенностей говоровъ разныхъ мѣстъ Полѣсья. Въ этомъ сознаниіи и была предпринята мною вторая поѣздка, совершенная въ 1911 году. Подведеніе итоговъ этой поѣздки, въ связи съ приведеніемъ въ порядокъ собраннаго матеріала, обнаружило только нѣкоторые недочеты, а именно: незначительное количество данныхъ для установленія границы волыньско-полѣсскихъ говоровъ съ сѣверо-западной, западной, юго-западной и южной стороны (въ районѣ отъ западной границы Волыньск. губ. до линіи Ю.-З. жел. дор.), а затѣмъ отсутствіе данныхъ для характеристики Владиміровольнскаго Полѣсья, которое по своимъ особенностямъ, преимущественно въ с.-западной и западной частяхъ, представлялось мнѣ очень интереснымъ; между тѣмъ у меня не было матеріаловъ, какъ данныхъ, для сужденія о говорахъ этой мѣстности — сужденія, тѣмъ болѣе необходимаго, что я послѣ первой своей поѣздки (въ 1910 г.) позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторые выводы, касающіеся вообще группировки говоровъ Волынскаго Полѣсья. Говоры эти я группировалъ по двумъ категоріямъ: 1) говоры восточной части Волынскаго Полѣсья и 2) говоры западной части его, при чемъ оговорился, что при собираніи новыхъ данныхъ возможны и допустимы измѣненія въ сдѣланной мною группировкѣ¹⁾. Въ виду этихъ соображеній возможно детальное ознакомленіе съ говорами западной, пограничной части Волынскаго Полѣсья, какую представляет Владиміровольнскій уѣздъ, представлялось для меня дѣломъ посколькѣ необходимымъ, постолькѣ и важнымъ съ точки зрѣнія полноты и законченности поставленной задачи, а равно и проверки тѣхъ наблюденій и выводовъ, какіе были сдѣланы мною ранѣе, во время предыдущихъ поѣздокъ, и которые отмѣчены въ представленныхъ мною въ Академію Наукъ отчетахъ. Выяснившіяся такимъ образомъ при приведеніи въ порядокъ собраннаго матеріала и установленіи плана предполагаемой работы обстоятельства побудили меня предпринять въ текущемъ году третью, заключительную поѣздку по Волыньскому Полѣсью, ограничивъ ея районъ только западной частью Полѣсья, преимущественно полѣсской частью Владиміровольнскаго уѣзда. Цѣли этой моей поѣздки формулированы были слѣдующимъ образомъ:

1) Извѣстія Академіи Наукъ 1911 г., кн. 4, стр. 78—79.

1) Сдѣлать записи, т. е. собрать матеріалъ, при чемъ, какъ и во время предыдущихъ моихъ поѣздокъ, преимущественное вниманіе должно было быть сосредоточиваемо на мѣстахъ глухихъ, удаленныхъ отъ культурныхъ центровъ и желѣзной дороги. При записяхъ я пользовался помощью пріобрѣтеннаго мною фонографа, который, какъ показалъ мнѣ мой личный опытъ, облегчаетъ дѣло; привлекая къ себѣ вниманіе крестьянъ и крестьянокъ, невольно втягиваетъ ихъ въ тотъ интересъ, ради коего путешествуетъ собиратель, и располагаетъ ихъ къ сообщенію интересующаго матеріала.

2) Уяснить особенности говоровъ полѣсской части Владимірволинскаго уѣзда, и особенно въ западной пограничной полосѣ Волынской губ., какъ въ той, которая граничитъ съ Люблинской губерніей, такъ и той, которая граничитъ съ Гродненской губ., преимущественно въ сѣверо-западной части, въ мѣстѣ расположенія озеръ: Лицемѣрь, Свитазь, Пулемцкое и св. Луки.

3) На основаніи выясненныхъ особенностей говоровъ установить границу говоровъ сѣверо-украинскаго и южно-украинскаго, въ районѣ отъ линіи Ю.-З. жел. дор. до западной границы Волынской губерніи.

4) Выдѣлить неукраинскіе элементы и отмѣтить переливы говоровъ, главнымъ образомъ, въ пограничной полосѣ.

5) Провѣрить тѣ выводы и наблюденія, какія были сдѣланы мною во время предыдущихъ поѣздокъ и изложены въ отчетахъ, представленныхъ въ Академію Наукъ¹⁾.

6) Изъ вопросовъ этнографическаго характера остановить особенное вниманіе на всемъ томъ, что характеризуетъ народную демонологию и преимущественно — на вѣрованіи въ существованіе вѣдьмъ, какъ орудій нечистой силы и ея продѣлокъ.

Руководствуясь формулированными задачами, я направился въ городъ Владимірволинскъ. На пути къ Владимірволинску, я имѣлъ остановку въ Овадно, а затѣмъ изъ Владимірволинска направился къ сѣверу, совершая свой путь зигзагами съ тою цѣлью, чтобы болѣе обстоя-

1) Извѣстія Академіи Наукъ 1911 г., кн. 4, стр. 67—94 и Отчетъ Отд. русск. яз. и словесности Академіи Наукъ за 1911 г., стр. 2—3.

тельно выяснитъ себѣ всѣ особенности мѣстныхъ говоровъ. Посѣщены были мною слѣдующія мѣста: Овадно, Устилугъ, Корытница, Мосуръ, Ставки, Олескъ, Штунь, а затѣмъ Любомль, Куснище, Головно, Згораны, Шацкъ, Кропивники, Яревище, Пища и Гуца. Въ означенныхъ пунктахъ я встрѣчалъ полное содѣйствіе и помощь со стороны мѣстныхъ о.о. приходскихъ священниковъ, а также волостныхъ правленій въ лицѣ г.г. волостныхъ писарей и старшинъ, что облегчало выполнение моей задачи. Кромѣ того на обратномъ пути мною была посѣщена часть мѣстности, лежащая въ районѣ линіи ю.-з. жел. дороги между станціями: Рожище — Олыка — Клевань, съ цѣлью болѣе точнаго выясненія границы полѣськихъ говоровъ.

Особенно посчастливилось мнѣ въ с. Корытницѣ, Шацкѣ, Штунѣ, Яревицахъ, Пищѣ и Гуцѣ, гдѣ удалось сдѣлать записи пѣсенъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ были напѣты на валики.

І. М. Корытница, Владиміровольнскаго уѣзда.

1.

Я (=а) нашъ господарь молодой,
 Пыдъ нымъ коныкъ вороный,
 А вынъ по полю обѣйджае,
 До дому жэньцівъ збирае:
 До дому, жэньці, до дому!
 Вызгть выночокъ въ сторону;
 Вынъ въ полю набуѣся,
 Буйного вітру начуѣся,
 Ны такъ вітру, якъ дощѣ,
 Бо я вжэ въ полю ны хочу.

2.

Ночы господній,
 Місячны зорныйі,
 Видно хочъ голкі збйрай.
 Выйды, коханаая,

Працюю зморана,
 Хоць на хвылоночку ў гай.
 Сядэмо купкою
 Тамъ пiдъ калыною,
 Я надъ панамы тай пань.
 Вглянься, рыбыночко,
 Срыбна хвылыночко,
 Стэляця въ полі тумань.
 Нэбо нэ змиранэ,
 Зорамы вешпанэ,
 Що то за Божа краса!
 Я жъ тыбэ вірную
 Ажъ до хатыночкі
 Самъ на рукахъ занысу.

3.

Нэ вэй тэйі тай сады цвiтуть,
 Нэ вэйжъ тай разываюця,
 Нэ вэйжъ тэйі тай вэнчаюця,
 Що любляця, тай кохаюця.
 Половына тыхъ садывъ цвiтэ,
 Половына осыпаэця
 Ёдна пара тай вынчаэця,
 А другая розлучаэця.
 Чырнявую отъ души люблю,
 Зъ біявою обвінчаюся
 А зъ рудою, прыгоганою,
 Піду розпрощаюся.
 Чырнявая тай ложкае мыйе,
 Біявая усьміхаэця,
 А рудая прыгогана
 Слізойкамы облываэця.

II. С. Штунь, Владимирволинскаго уѣзда.

1.

Сама дівчына
 Садъ садила,
 Сама я й буду поливать,
 Сама я хлопця полюбыла,
 Тѣпѣрь я мушу вікъ страждать.
 Ні дывуйтѣся вы, людѣ!
 Шо я ны лычко змарніела.

2.

Ходімо дывойкі въ долину
 По чырвоную калыну;
 Будѣмо калыну ламаты,
 Будѣмо бороду вѣбраты.

3.

Тыпѣрь жѣ намъ высѣло,
 Бо мы выночка нысѣмо,
 А йщѣ будѣ высылії
 Якъ положымо на столі,
 Якъ повысымо на кулку,
 Будѣ горылка ю збанку.

4.

Зушуміела дуброва,
 Заговорила дорога.
 Пáновѣ жѣньці йшли
 І хорошѣнько спѣвали,
 Панові голосѣ подали.
 Якъ панѣ голосокъ почуе,
 То панѣ вычеру зготуе.

А намъ вычѣра нѣ мыла,
Шырокая ныва стомыла.
Ой ны такъ ныва, якъ горы,
Що шырокіе загонѣ.

III. С. Шацкѣ, Владимирволинскаго утѣда.

1.

Ой на горі тай сухій дубъ,
А въ долині орішоць,
Подай мыла голосокъ.
Ой рада бъ я голосокъ дать,
У саду вышѣнькі шумлять,
На насъ людѣ говорѣть.
Говорылы на мѣнѣ,
Тай щѣ будуть на табѣ,
Що ты ходышь до мынѣ.
Ой якъ ходышь, то ходы.
Ой якъ любышь, то любы.

2.

Ой гай, мамцю, гай,
Замужъ мынѣ дай.
Но ны оддавай за нылюбойка,
Бо мнѣ вроды жалъ.
А моя врода, якъ быстрая вода,
Білѣе лычко,
Чырвонѣ облычко,
Сама молѣда.
Ой гай, мамцю, гай!
Салдаточки йдуть,
Ой шырокайя тая доръжѣнька,
Куда вони йдуть.
Громко пісѣнькі поють,

А по за ными тыйі жонатыйі (замужнія женщины)
 Дрѣбны слезы льютъ.
 Йіхавъ я зъ войська,
 Йіхавъ зъ города,
 Ой ны найшовъ я такэйі красоткі,
 Якъ ты молода.
 Бо твоя врода,
 Якъ быстрая вода.

IV. С. *Ярешце, Владимирволинскаго уѣзда.*

1.

Ты жъ зылэный очырэтъ,
 То дай дітемъ вычырэтъ.
 Въ двадцать пятаму году
 Выйшла вдова по воду.
 Стала вдова воду браць,
 Ставъ кораблыкъ прышываць.
 Вдова воду бырэ,
 Корабэль блыжшэ пливэ.
 Охъ ці вдова молода!
 Цы любышь ты два сына?
 Я йідного люблю,
 А другого дождаю

(Отрывокъ изъ пѣсни «Ой у полю тырѣнь»).

2.

Очэны господару ворота!
 Дэ чэлядойка молода.
 Нэсэ выночка зъ золѣта,
 Зъ золѣта, зъ жыта,
 Чырвоная квѣтка прышыта.
 Ой то ны квѣтка-квѣточкі,
 Бо його звылы дівочкі.

Хорошая звыла,
Щэй хорышшая прынэсла,
Хорошая вродлива,
Доброго батька дытына.

V. С. Гуца, Владимирволянскаго узда.

Ой зь за горы буйны вытэръ гэй повывае,
Я на моры казачэйко гэй потопае,
Ны потопаи казачейку, гэй бо загынышь,
Кого вірны лобышь той покіенышь,
Ны загыну, тэчынько, гэй, ны загыну,
Кого вірны люблю ны покіену.
Якъ прыйіхавъ казаченьку гэй пйдь ворота,
Выйды, вийды, дівчыно, краша золота.
Я ны вийшла дівчына гэй, тылько маты,
Годы годы, зятэньку, гэй жартуваты,
Прошу тыбэ, зятэньку, йды до хаты,
Бо вжэжъ твоя дівчына гэй споражона,
Я въ білому платычку гэй знаражона
На тысові лавоці положэна
Въ вышнэвому садочку похована,
Высокая могыла высыпана.

VI. С. Косаревъ, Дубенскаго узда.

1.

Ой на горы жытэчко квітуе,
Тамъ донэчка коровайнычківъ частуе.
Ой частуйтэ коровайночківъ, частуйтэ!
Оно (= только) мого батонька шануйтэ;
Якъ будытэ мого батонька шановаты,
То вінъ буды йісты-пыты доношаты.

2.

Ой въ Косарэві тай на рыночку,
 Пьють молодці мэдъ-горылочку.
 Пылы вони, да й напэлыся,
 За дівоньку дай побэлыся.
 Стойтэ братья, нэ быйтэся!
 За дівоньку згодітэся.
 Дівонька да ны вамъ будэ,
 Дівонька да моя будэ.

VII. Дер. Писниково, Дубенск. у.

Вітраць віе повіавае,
 Я (= а) дубъ дуба похістуйе,
 Козакъ дівкі выпэтуїе;
 Здайся, дівко, говорыты,
 То дамъ тобі вына пыты.
 Я ны здамся говорыты,
 Здайся, дівко, на пьідмову,
 То выведу на дорогу.
 Я ны здамся пьідмову.

Приведенныя пѣсни и отрывки, а также другой матеріалъ, не попавшій на валики, и наблюденія мои даютъ основаніе для установленія слѣдующихъ характерныхъ фактовъ. Въ средней и сѣверной частяхъ территоріи, лежащей на сѣверъ отъ Владимирволинска, особенности полѣскихъ говоровъ, хотя и не всѣ, выражены за нѣкоторыми исключеніями довольно отчетливо и опредѣленно; въ южной части, именно по линіи Устилугъ-Владимирволинскъ, очень слабо, ихъ почти нѣтъ; послѣднее слѣдуетъ особенно сказать о территоріи, лежащей на югъ отъ отмѣченной линіи. Въ западной, смежной съ Люблинской губ. части, особенности полѣскихъ говоровъ тоже почти отсутствуютъ. Что же касается сѣверо-западной части, смежной съ Гродненской губерніей, то здѣсь вмѣстѣ съ

особенностями полѣсскихъ говоровъ, выраженныхъ впрочемъ далеко не во всей ихъ полнотѣ и разнообразіи, приходится отмѣтить бѣлоруссизмы и полонизмы, а также черты великорусскаго говора. Что же касается особенностей полѣсскихъ говоровъ, то онѣ группируются довольно неравномѣрно по территоріи, расположенной къ сѣверу отъ линіи Устилугъ-Владиміровольнскъ, причемъ полоса, лежащая по теченію р. Бугъ, не вездѣ можетъ быть включена въ районъ полѣсскихъ говоровъ; особенности же этихъ послѣднихъ расположены такъ, что въ однихъ мѣстахъ преобладаютъ однѣ особенности; въ другихъ другія, которыхъ почти незамѣтно въ первыхъ. Такая картина объясняется дифференціаціей говора, вызываемой тѣмъ, что самое большое разстояніе, въ какомъ лежатъ такъ называемые глухіе пункты отъ желѣзной дороги и культурныхъ центровъ, это 35—40 верстъ. Кроме того, при существованіи довольно оживленныхъ ярмарокъ въ мѣстечкахъ и городахъ, создаются обстоятельства, способствующія нивелировкѣ тѣхъ особенностей говора, которыя при отсутствіи этихъ условій могли бы сохраниться прочно и устойчиво. Между тѣмъ въ дѣйствительности этого быть не можетъ, такъ какъ, напр., крестьяне сель, расположенныхъ въ районѣ Корытница-Устилугъ-Овадно, въ ярмарочные дни посѣщаютъ какъ Устилугъ, такъ равно и Любомль. Сюда же въ ярмарочные дни пріѣзжаютъ крестьяне изъ Яревищъ, Крымно и даже Пищи (сѣверные поселки). Такимъ образомъ, происходитъ постоянное и можно сказать систематическое взаимное вліяніе говоровъ¹⁾. И если бы не упорная консервативность полѣшуконъ, ярче всего выражающаяся въ преданности къ своему костюму, нарядамъ, то не было бы возможности собрать въ буквальномъ смыслѣ слова даже тѣ крохи, которыя удалось отмѣтить и записать.

Главнѣйшія особенности сѣверно-волынскихъ говоровъ, которыя удалось отмѣтить, сводятся къ слѣдующимъ.

1) См. мою замѣтку въ «Живой Старинѣ» 1902 г. вып. I, стр. 75—96. «Материалы для характеристики говоровъ Подольской губ.».

А. Фонетика.

1. Дифтонги.

а) *ie* (на мѣстѣ *i*) встрѣчается главнымъ образомъ въ сѣверной и средней полосѣ посѣщенной мною территоріи, и очень мало въ южной; притомъ въ произношеніи этого дифтонга можно встрѣтить большое разнообразіе; такъ, въ однихъ случаяхъ онъ получаетъ довольно опредѣленную огласовку въ своихъ обѣихъ составныхъ частяхъ, какъ напр. *ручкіе*, *йесты* (Штунь, Яревище); *скіенуѡз* при *скінуѡз* (Корытница); *рознієныціє*, *робітныціє* (Шацкъ). И въ приведенныхъ случаяхъ огласовка этого дифтонга не можетъ считаться вполне устойчивой и постоянной, такъ какъ въ произношеніи не только разныхъ лицъ, но даже иногда однихъ и тѣхъ же лицъ фиксируется не только неодинаково, но съ явной тенденціей къ экономіи произношенія путемъ стяженія, а именно: *ручки* и т. д., но притомъ съ довольно явственной долгой замѣтителя дифтонга. Что же касается въ частности района Корытницы-Устилуга, то здѣсь дифтонгъ этотъ почти не встрѣчается; кромѣ приведеннаго выше примѣра могу указать для даннаго мѣста еще: *паньчїє*, *калачїє*, при коихъ можно слышать и: *паньчї*, *калачї*.

б) *ie* (на мѣстѣ *i* изъ *ѣ*) даетъ больше примѣровъ, чѣмъ предыдущій, напр. *бієлєсєнъкїй* (Штунь), *зашумєла* (Яревище) и др.

в) *uo*, *uэ*. Эти дифтонги съ вполне опредѣленной огласовкой, отличающейся притомъ устойчивостью произношенія обѣихъ частей, почти не встрѣчаются, за исключеніемъ очень немногихъ случаевъ, напр. *туѡлькї* при *тулькї* (Олескъ, Яревище), *бѣэльшїз* при *бульшїз* (Мосурь, Ставки), *ялуѡвцьѡмз* (Шацкъ), *на новуѡмз столї* (Яревище). Эти неустойчивыя, точнѣе колеблющіяся въ произношеніи формы, вполне опредѣленно говорятъ о существованіи этого дифтонга не только въ указанныхъ случаяхъ, но и въ тѣхъ, гдѣ на мѣстѣ ожидаемаго дифтонга приходится слышать *У*, какъ, напр., *вунз* (Мосурь), *пунз*, *кунз* (Яревище), *пушѡвз* (Штунь). Такія же формы произношенія еще кое-гдѣ можно встрѣтить на югъ отъ линіи Устилугъ-Владимирволинскъ, т. е. въ районѣ, лежащемъ за предѣлами Польска. Не рискуя впасть въ ошибку и допустить

погрѣшность въ точности, можно однако съ увѣренностью сказать, что дифтонгъ типа *yo, yэ* для данной мѣстности слѣдуетъ признать исчезающимъ, и совершенное исчезновеніе его является вопросомъ очень недалекаго будущаго.

Впрочемъ, быть можетъ, еще и въ настоящее время есть случаи и болѣе определенной огласовки въ произношеніи частей этого дифтонга, и эти случаи возможно было бы наблюдать въ мѣстахъ, болѣе глухихъ, чѣмъ тѣ, коія посѣтилъ; однако внѣ всякаго сомнѣнія то обстоятельство, что благодаря частому общенію жителей отдѣльных мѣстъ, вызываемому житейскими нуждами, ¹⁾, а также благодаря большей, чѣмъ въ восточной части Волынскаго Полѣсья, близости желѣзной дороги (Ковель-Владимирская, Варшавско-Ковельская, Брестъ-Ковельская и Брестъ-Холмская) къ отдѣльнымъ мѣстностямъ, мы имѣемъ налицо все благопріятныя условія для исчезновенія этой типичной особенности волынско-полѣсскихъ говоровъ. Что же касается звука *y*, то въ роли замѣстителя дифтонговъ — *yo, yэ* онъ встрѣчается на довольно обширной территоріи и въ подавляющемъ количествѣ случаевъ, давая въ то же время доказательство существованія дифтонговъ и даже въ сравнительно недавнее время, особенно если принять во вниманіе быстроту нивелировки вообще особенностей говоровъ для данной мѣстности. Такія слова какъ: *пунь, вуль, кунь, купь*, (копъ) встрѣчаются на всемъ протяженіи посѣщенной мною территоріи, если провести линію отъ запада на востокъ, даже до ст. Олыка—этого пограничнаго пункта, могущаго служить гранью, отдѣляющей сѣверно-волынскій говоръ отъ южно-волынскаго. Даже южнѣ Олыки, въ районѣ Борбынь, Хордуны мнѣ приходилось слышать: пастушкуу, въ с. Писниково), не говоря уже напр. о с. Яревищахъ, гдѣ говорятъ: згунь (сгонь). Южнѣ Олыки, особенно въ словахъ съ окончаніемъ *ов* и *ев*, напр. Косарувъ, Мошкувъ (названіе сель), можно видѣть указаніе на исчезнувшій дифтонгъ, какъ равно въ словѣ: ножувъ (ножей).

2. Замѣстителями: а) *А ударяемаго* являются *іе, е, і, э*, напр. *взієлы* (Шацкѣ), *чієсь*, и *чєсь* (Штунь, Яревище, Мосуръ и Шацкѣ); встрѣчаются при этомъ и *чїсь* (въ районѣ Крымно), *жєты, гаречый* (Олескѣ),

1) См. выше стр. 78.

пожіелуе (Штунь), жіелуешъ (жалѣешъ), выріежаешъ, місець (Яревище); вычырѣтъ (Яревище); иногда въ роли замѣстителя является *ы*, напр. дыйтѣ (дайте) Шацкъ.

б) *А безударнаго* съ предшествующей мягкостью авляется *е*, напр. дітемъ (Яревище).

3) Замѣстителемъ *о, э ударяемыхъ* служатъ: *ы* и *у* напр. пыдъ, (Корытница, Яревище), вынь (Яревище), пудъ = подъ (Мосуръ).

б) *О безударнаго* — *у*, напр. шануваты, кучуваты (Штунь, Вишневь и др.).

4) Замѣстителемъ *е ударяемаго* является иногда *а*, напр. лабѣдъ (Штунь, Вишневь); *е безударнаго* съ предшествующей мягкостью — *ы*, напр. тырѣнь = тернь (Яревище).

5) Звукъ *і* представляетъ ту особенность, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ является, какъ широкій, открытый — *ы*. Напр.: лыпшѣ (Шацкъ), шырокая (Шацкъ), тыпѣръ (Штунь, Олескъ и др.).

Кромѣ того въ произношеніи этотъ звукъ представляетъ примѣры узкаго, закрытаго, какъ напр. *ні до річки* (Штунь), дівчинойкі (Шацкъ), а также средняго между первымъ и вторымъ, т. е. между *ы* и *і*; это можно наблюдать въ нѣкоторомъ рядѣ случаевъ и особенно послѣ *р*, напр. *стѣлкі* (Корытница), *стрѣблы*, *горѣлка* (Штунь).

При отмѣченномъ разнообразіи въ произношеніи этого звука надо все-таки сказать, что преобладающимъ видомъ является широкій открытый *ы*. Замѣстителемъ этого звука, поскольку мнѣ пришлось наблюдать, бываютъ 1) *э*, напр. ліпѣты-лѣпить (Шацкъ), лѣчко (тамъ же). 2) *А*, напр. андычаныхъ яйецъ = индюшкиныхъ (Шацкъ).

6) Чередуваніе звуковъ *і* и *э безударныхъ*, напр. высѣлый и вѣсѣлый (Шацкъ, Олескъ, Мосуръ, Штунь и др). тѣпѣръ и тыпѣръ (почти вездѣ).

7) Появленіе *е* на мѣстѣ *а* съ предыдущей мягкостью, какъ черта рѣдкая и исключительная, представляющая ту особенность, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ *е* произносится довольно неявственно, и притомъ настолько, что какъ будто слышится звукъ средней между *е* и *а*. Эту особенность удалось мнѣ отмѣтить въ Шацкѣ и Яревищахъ.

Въ области гласныхъ типичной особенностью ихъ является твер-

дость, существующая на всемъ протяженіи посѣщенной мною территоріи съ разными оттѣнками въ тѣхъ или иныхъ то болѣе, то менѣе многочисленныхъ случаяхъ; напр. *водѣця*, *крыныця* и т. п. Заслуживаютъ особаго вниманія въ этой категоріи звуковъ слѣдующія особенности:

а) *Твердость губныхъ*, напр. тыба, бье, пье (Штунь, Яревище, Крымно), пивнычъ (Шацкъ и др.). При существованіи твердости губныхъ, какъ общей характерной черты, слѣдуетъ упомянуть и объ умягченности этихъ звуковъ; случаевъ этой умягченности немного, напр. білэсэнькій, пічка (Шацкъ, Штунь).

б) При существованіи твердости *переднеязычнаго голосового звука р*, какъ типичной и распространенной особенности говоровъ посѣщенной мною территоріи, о чемъ свидѣлствуютъ такіе факты, какъ напр. *крынычэйка* (Штунь), *тырѣнѣ* (Яревище) *чэрэвычкі*, есть случаи умягченности этого звука; по этихъ случаяхъ немного, напр. *воргітѣ* (Шацкъ), *горілка* (Штунь), *дрѣібны* (Шацкъ), ерібнымы (Корытница) и др.

в) Двоякій характеръ произношенія *заднебнаго г*, который является въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ мгновенный звукъ, напр. *гносподарѣ*, *клянокѣ*; и въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, какъ длительный фрикативный = латинскому *h*, напр. *горі*, *гай* и др. (вездѣ).

г) *Твердость небозубнаго голосового звука л* въ значительномъ количествѣ случаевъ, когда слѣдовало бы ожидать мягкости, какъ, напр. *лыішэ* (Штунь, Олескъ), *лыітэчко* (Кропивники); при этомъ встрѣчаются и двойниковыя формы, особенно въ районѣ, расположенномъ по сторонамъ желѣзной дороги. Такъ, напр., въ с. Вишневѣ и отчасти въ Штунѣ и Куснищахъ и Згоранахъ можно слышать при *лыішэ* и *ліішэ*, при *лыіто* и *лііто*.

д) Замѣна *небно-зубнаго голосового л* носовымъ *н*, напр. въ *зэмні* (Шацкъ, Яревище и др.).

е) *Смяченіе ст* въ *си*, напр. *пуэцю* = *пуцу* (Олескъ, Мосурь).

Въ области фонетики главнѣйшія особенности можно исчерпать упомянаніемъ о существованіи приставнаго губнаго *с* въ словахъ: *возэро* (Шацкъ), *вѣрэшѣ* = *орешѣ* (Яревище) и о выпаденіи этого звука тамъ, гдѣ мы бы его ждали, напр. *озьмітэ* = *возьмите* (Яревище).

Б. Морфологія.

Морфологическія особенности можно отмѣтить слѣдующія:

1) Чередуваніе въ формѣ 3 л. ед. числа окончаній *ся*, *се* и *са*, причѣмъ формъ съ окончаніемъ *са* немного, и они встрѣчаются лишь въ сѣверной части Владимирволинскаго Полѣсья, напр. напывса, вдавайса (Яревище). Преимущество въ количественномъ отношеніи имѣютъ формы съ окончаніемъ *ся*, чередующимся съ *се*, какъ напр. зажурывсе, зломывсе (Шацкъ, Згораны); впрочемъ нельзя сказать, что формы съ *се* принадлежатъ къ числу очень распространенныхъ; все же ихъ больше, чѣмъ съ *са*.

2) Чередуваніе въ формѣ 3 л. множественнаго ч. окончаній *тъ* и *тѣ*, какъ, напр. мѣгають, скрыпають (Шацкъ), тягнуть (Яревище), но *люблять* (Любомль, Заполье). Подавляющее количество случаевъ слѣдуетъ признать за формами съ *тѣ*.

3) Существованіе при обычной для украинскихъ говоровъ въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія съ окончаніемъ, *мы* напр. страждаты (Штунь) гныты, жыты (Яревище), формъ съ окончаніемъ *тѣ*, которыя можно сближать съ достигательнымъ наклоненіемъ церковно-славянскаго языка, тѣмъ болѣе, что тѣ случаи, какіе мнѣ удалось отмѣтить, относятся къ глаголамъ движенія, напр. прыплывать (Яревище), прыійжжати (Штунь), прыходьти (Олескъ).

4) Чередуваніе окончаній *мо* и *мѣ* въ I лицѣ множеств. ч. съ преобладаніемъ формъ на *мо*, напр., будѣмо (Штунь), пойдѣмо (Олескъ).

5) Чередуваніе словообразовательныхъ суффиксовъ *ойк* и *онк*, причѣмъ въ сѣверной части употребляется почти исключительно *ойк*, напр. вычѣройка, журбойка (Яревище, Шацкъ, Кропывники, Крымно); что же касается южной и средней части (не далѣе Штуня), то здѣсь можно наблюдать употребленіе какъ того, такъ и другого суффикса, причѣмъ иногда встрѣчаются и двойниковыя формы, т. е. одно и то же слово приходится слышать въ произношеніи съ тѣмъ и другимъ суффиксомъ (Корытница, Овадно).

Подводя итогъ особенностямъ, слѣдуетъ еще упомянуть о такихъ выраженіяхъ, какъ: *ю збанку* (Штунь), *ю матюнкѣ* и т. п.

В. Другія особенности.

Кромѣ перечисленныхъ особенностей полѣскихъ говоровъ мною отмѣчены нѣкоторыя особенности бѣлорусскихъ говоровъ, а именно слѣдующія:

1) *Цеканье*, т. е. появленіе *ц* въ положеніи передъ гласными въ концѣ слова на мѣстѣ *т*, напр., охъ ці вдова (Яревище), и на мѣстѣ *ч* напр.: цы волы ны тянуць (Яревище).

Эта особенность попадаетъ спорадически, начиная отъ Штуна и поднимаясь на сѣверъ вплоть до сѣверной границы Волынской губерніи.

2) *Аканье*, преимущественно въ сѣверной части, напр.: табѣ (Шацкъ), карабля (Яревище), пшанычної (Шацкъ и Кропивники), чагѣ (Згораны).

3) Появленіе *у* на мѣстѣ *л* въ серединѣ словъ и въ концѣ словъ, особенно въ формѣ прошедшаго времени, при чемъ *у* образуетъ вмѣстѣ съ предшествующимъ гласнымъ одинъ звукъ-дифтонгъ, напр. жоўты (Шацкъ), набуўся и др.

Равнымъ образомъ нельзя не упомянуть о нѣкоторыхъ великорусскихъ выраженіяхъ, какія пришлось мнѣ слышать, когда я производилъ записи пѣсенъ, а также полонизмахъ.

А. Примѣры перваго рода 1) отъ души люблю (Корытница), 2) у папашы, у мамашы.

Появленіе ихъ можно объяснить частью вліяніемъ солдатчины, а быть можетъ также и тѣмъ, что крестьяне, живущіе въ при-Бугской мѣстности, занимаются сплавомъ лѣса, и это оказало свое вліяніе на говоръ.

Б. Примѣры втораго ряда: бардзо и др.

Выводы.

Принявъ во вниманіе тѣ наблюденія, какія были сдѣланы мною во время поѣздки текущаго (1913) года, и провѣривъ наблюденія, сдѣланныя мною во время поѣздокъ 1910 и 1911 гг., а также построенныя на основаніи ихъ положенія, я прихожу къ слѣдующимъ выводамъ:

А. *Въ отношеніи опредѣленія границы волынско-полѣскихъ говоровъ* — (сѣверно-малорусскихъ Волынскаго Полѣся).

Получивъ всѣ данныя для установленія границы съ южной, западной и сѣверо-западной сторонъ, а также оставляя въ главныхъ чертахъ безъ измѣненія границу, установленную въ моемъ отчетѣ 1911¹⁾ г., я долженъ внести поправку въ положеніе, сформулированное мною такъ: «граница сѣверно-малорусскаго говора, поднимаясь, на сѣверо-западъ къ с. Курчичи, болѣе или менѣе прямою линіею идетъ до Костополя (при линіи полѣскихъ жел. дор.). Отсюда линію можно направить до м. Деражня, а затѣмъ черезъ сс. Сильно, Игнатовку, Пересцу, Углы до Турійска и Ковеля (стр. 3)». Хотя въ прошломъ (1912 г.) я и не путешествовалъ съ спеціальной цѣлью, но посѣщая этотъ районъ, я имѣлъ цѣлый рядъ случаевъ убѣдиться, что допустилъ неточность въ опредѣленіи границы; такъ, напр., въ Цуманѣ и Карпиловкѣ (южнѣе Деражня) мнѣ приходилось слышать явно выраженные особенности полѣскихъ говоровъ: *са*, 3 л. ед. ч., понеслѣса; появленіе *сц* изъ *ст*, напр. пусцо, и наконецъ отсутствіе смягченія *д* въ *ж* и въ *дж*, напр. ходю и друг.; затѣмъ, даже южнѣе Цуманя (у ст. Олыка) есть деревни говоръ коихъ представляетъ нѣкоторыя особенности полѣскихъ говоровъ (Косарувъ, ножувъ и др.), но они встрѣчаются, правда, довольно рѣдко, и общій типъ говора не даетъ основанія причислять его къ полѣскимъ, какъ и территорію, лежащую на югъ отъ линіи Устилугъ-Владимирволинскъ, гдѣ попадаются мѣстами нѣкоторыя черты полѣскихъ говоровъ.

Исправляя отмѣченную въ опредѣленіи мною границы неточность и устанавливая границу съ западной и сѣверо-западной сторонъ, я полагаю держаться такого направленія. Ведя линію отъ с. Курчичи южнѣе Франкополя, нахожу болѣе правильнымъ направить ее не къ Костополю, а къ Александріи (у линіи полѣскихъ жел. дор.). Отсюда пограничная линія должна пройти на сѣверо-востокъ, немного южнѣе Жабрина и Цуманя къ Жидычину, а затѣмъ черезъ Городишь, Твердынь, Мочульки, Могильно, Овадно до Корытницы. Не включая Корытницу въ районъ

1) Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Императ. Академіи Наукъ за 1911 г.

волыньско-полѣсскихъ говоровъ, веду линію восточнѣ Корытницы, держась при этомъ въ направленіи на сѣверъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Буга, такъ что направленіе западной границы будетъ слѣдующее: Никитичи, Мосуръ, Штунь, Ягодинъ, Островки, Смоляры, Загъсье, Пулемець.

Б. *Въ отношеніи діалектологическихъ особенностей.*

Дѣленіе Волынскаго Полѣсья, представляющаго разнообразіе отгѣнковъ полѣсскихъ говоровъ на двѣ части: восточную и западную, какъ это установлено было мною на основаніи данныхъ поѣздки 1910 г., я признаю неподлежащимъ измѣненію, а потому остающимся во всей силѣ. Равнымъ образомъ не подлежатъ измѣненію и слѣдующія положенія, установленныя въ моемъ отчетѣ 1910 года: 1) Преобладаніе палатальности гласныхъ и согласныхъ звуковъ, какъ типичныя особенности восточной части Волынскаго Полѣсья (п. 2); 2) Лабіализація звуковъ, какъ отличительная особенность исключительно восточной части Волынскаго Полѣсья. 3) Преобладаніе въ восточной части звука *i* узкаго и закрытаго, а въ западной—широкаго и открытаго. 4) Преобладаніе въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ звуковъ *e* и *э* въ западной, и *i* и *y* въ восточной части¹⁾.

Что же касается другихъ положеній, то въ нихъ необходимо внести нѣкоторыя поправки, послѣ коихъ они могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ:

1) Дифтонги и дифтонгическія сочетанія, отмѣченныя мною на всемъ протяженіи Волынскаго Полѣсья, отличаются явной тенденціей къ стяженію, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проявляется болѣе опредѣленно, въ другихъ менѣе опредѣленно и даже слабо. Въ этомъ отношеніи восточная часть Волынскаго Полѣсья даетъ примѣровъ этой тенденціи къ стяженію дифтонговъ гораздо меньше, чѣмъ западная и даже средняя (районъ Луцкаго и Ровенскаго уѣздовъ); при этомъ наиболѣе удаленныя отъ культурныхъ центровъ поселки (Копище, Лучинки) представляютъ довольно слабое выраженіе этой тенденціи. Наоборотъ, западная часть Волынскаго Полѣсья и южная полоса всего Полѣсья представляютъ цѣлыя

1) Извѣст. Акад. Наукъ, т. XVI, 1911, кн. 4, стр. 92—93.

ряды случаевъ этой тенденціи, представляющей уже или вполне законченные результаты въ видѣ стянутыхъ формъ (безъ дифтонговъ), или такъ называемыя двойниковыя формы, о чемъ была рѣчь выше, т. е. слова съ двоякимъ произношеніемъ, при чемъ въ одномъ случаѣ эти слова даютъ примѣры дифтонговъ, а въ другомъ тѣ же самыя слова произносятся безъ дифтонговъ. Такимъ образомъ, приходится отмѣтить довольно интересную въ діалектологическомъ отношеніи картину происходящаго вымиранія дифтонговъ, какъ типичной особенности говоровъ Волынскаго Полѣся,—вымиранія, совершающагося то съ большей, то съ меньшей интенсивностью въ зависимости отъ степени вліянія разнообразныхъ культурныхъ условій (городъ, близость желѣзной дороги и др.).

Что же касается стяженія дифтонговъ, то оно представляетъ разновидности, довольно интересныя въ зависимости отъ мѣстности. Принимая за преобладающій, но не исключительный типъ дифтонга для восточной части Волынскаго Полѣся *yo, yə*, нужно замѣтить, что при стяженіи онъ даетъ въ большинствѣ случаевъ *y*, какъ напр. *пунъ, купъ, туньки, булмиз*; иногда *ə*, какъ напр. въ западной части: *кэпъ* (Штунь, Яревице), и очень рѣдко *o*: при *вунъ, вынъ* приходится слышать: *вонъ*; встрѣчаются кромѣ того переходныя къ стянутой формѣ, какъ, напр., въ западной части Полѣся: *кьэпъ, бьэльшъ* и др.

Признавая за дифтонгомъ типа *ie* преобладающее, но не исключительное значеніе для западной части Волынскаго Полѣся, необходимо отмѣтить слѣдующіе результаты стяженія его: а) *зв. i*, какъ въ западной, такъ и въ восточной части Полѣся, какъ, напр., *зашуміла* (Веледники-восточной части и Штунь—зап. части); б) *зв. e* только въ западной части какъ, напр. *кветочки* при *квіеточки*; *паньче*, при *паньчѣ* и *паньчи* (Яревице, Шацкъ), *у млынѣ* и *у млыні*. Типическимъ дифтонгомъ для западной части Полѣся слѣдуетъ признать также *ye* на мѣстѣ *yi*. Дифтонгъ этотъ, который мнѣ удалось въ восточной части Полѣся отмѣтить только на дальнемъ сѣверѣ (Копище), довольно распространенъ въ Ковельскомъ уѣздѣ, и особенно явственно слышенъ въ разговорной, но не въ пѣсенной рѣчи.

2. Особенности бѣлорусскихъ говоровъ, широко и опредѣленно выраженные въ говорахъ восточной части Волынскаго Полѣся, въ западной

части выражены гораздо слабѣе, при чемъ въ средней части они почти отсутствуютъ, между тѣмъ какъ въ западной, точнѣе въ сѣверо-западномъ углу, не трудно уловить главнѣйшія особенности, какъ, напр.: аканье, цеканье и др.

3. Наконецъ, что касается преобладающаго значенія звука *y* для восточной части, на что мною было указано въ отчетѣ о поѣздкѣ въ 1910 г.¹⁾, то, какъ показываютъ наблюденія, онъ является замѣстителемъ дифтонговъ не только въ восточной, но и въ западной частяхъ Волынскаго Полѣсья. За исключеніемъ этой роли его, какъ замѣстителя дифтонговъ, въ остальныхъ случаяхъ его употребленіе въ восточной части шире и преимущественнѣе, чѣмъ въ западной, гдѣ его можно встрѣтить въ качествѣ замѣстителя и другихъ гласныхъ, напр., згунъ (Яревище — въ западной и Копище, въ восточной части) = сгонъ — мѣсто, куда сгоняють коровъ, овецъ и др. домашнихъ животныхъ.

В. *Въ отношеніи этнографическихъ особенностей.*

Если особенности старины въ говорахъ жителей Волынскаго Полѣсья вымирають то съ большей, то съ меньшей интенсивностью, и это вымираніе можно наблюдать со всей осязательностью и очевидностью, хотя бы напримѣръ въ двойниковыхъ формахъ, въ стяженіи дифтонговъ, то объ этнографическихъ особенностяхъ сказать этого нельзя; во-первыхъ, въ количественномъ отношеніи этого рода особенности представляютъ значительно больше матеріала, интереснаго для изслѣдователя, чѣмъ данныя языка. Мнѣ, сосредоточившему свое преимущественное вниманіе на слѣдахъ народной демонологіи въ вѣрованіяхъ полѣшуконъ, удалось собрать достаточно данныхъ для освѣщенія этого вопроса, изученію котораго я намѣренъ отдать свои незначительные досуги. Но при этомъ я долженъ замѣтить, что то обиліе этнографическаго матеріала, о которомъ можетъ засвидѣтельствовать всякій, кто сколько-нибудь присматривался къ жизни Волынскихъ полѣшуконъ, тѣмъ не менѣе не гарантируетъ прочности его сохраненія даже при консервативности населенія и его любви къ родинѣ. Конечно, если говоря словами Пушкина: «обычай-деспотъ

1) Извѣст. Акад. Наукъ, т. XVI, 1911 г., кн. 4, стр. 93.

межъ людей», и притомъ даже интеллигентныхъ, то тѣмъ въ большей степени онъ является деспотомъ среди людей простыхъ, необразованныхъ. Подчиненіе ему у нихъ является обязательнымъ, не допускающимъ никакихъ возраженій и оспариваній. Но всѣ разнообразныя детали обычаевъ, хотя въ основныхъ чертахъ и сохраняющихся и поддерживаемыхъ, неизбѣжно уносятся въ лету забвенія, а при скептическомъ отношеніи деревенской молодежи къ старшему поколѣнію, которое является хранителемъ старины, многія интересныя детали исчезаютъ безслѣдно, такъ какъ нѣтъ должнаго вниманія къ этимъ деталямъ со стороны тѣхъ, кто долженъ принять и сохранить этнографическій матеріалъ, какъ драгоцѣнное наследіе старины. Все это должно служить убѣдительнымъ стимуломъ къ тому, чтобы лица, коимъ дороги интересы науки и знаніе родной земли, посвятили бы свои силы для изученія того, что незамѣтно можетъ исчезнуть подъ напоромъ разнообразныхъ вліяній, стирающихъ безслѣдно остатки старины.

Въ заключеніе настоящаго отчета, являющагося въ нѣкоторомъ отношеніи итогомъ продолжительной работы по изученію говоровъ Волынскаго Полѣсья—работы, состоявшей въ собираніи и группировкѣ матеріала, характеризующаго родную мнѣ Волынь въ различныхъ отношеніяхъ, я считаю священнымъ долгомъ принести сердечную благодарность Второму Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ за предоставленную мнѣ матеріальную поддержку, а вмѣстѣ и возможность къ осуществленію завѣтной мечты юности — внести скромную лепту въ дѣло изученія родного края.

Вячеславъ Каминскій.

12 ноября 1913 г.
Варшава.

